

МЕЛОДИИ
Лейн



Подаренная
НИЛОМ

18+

Мелоди Лейн

Подаренная Нилом

<https://litres.ru/73940946>

SelfPub; 2026

Аннотация

Ее мир был разрушен, а свобода отобрана. Аниси, дочь вождя покоренного племени, становится живым трофеем, даром для наследного принца Египта - властного и прекрасного Неферхотепа. Для него она - лишь экзотический цветок в его роскошном саду, символ очередной победы. Для нее он - безжалостный завоеватель, чьи руки обагрены кровью ее народа. В золотой клетке дворца, среди интриг и шепота наложниц, Аниси клянется сохранить гордость и не покориться своему хозяину. Но за маской холодного правителя она начинает видеть человека, способного не только повелевать, но и чувствовать. Неферхотеп, привыкший к беспрекословному подчинению, впервые сталкивается с непокорным духом, который влечет его сильнее, чем любая власть. Может ли на выжженной ненавистью земле расцвести любовь? И какую цену придется заплатить за чувства, вспыхнувшие между пленницей и ее господином, когда на кону стоят не только их сердца, но и судьба всего Египта?

Содержание

Глава 1. Трофей из черных земель. Неферхотеп	4
Глава 2. Шепот служанок. Аниси	11
Глава 3. Символ власти. Неферхотеп	18
Глава 4. Ожерелье цвета крови и неба. Аниси	24
Глава 5. Аудиенция на рассвете. Неферхотеп	29
Глава 6. Пруд с лотосами и ядом. Аниси	35
Глава 7. Тень кобры в саду. Неферхотеп	41
Глава 8. Опасное покровительство. Аниси	46
Глава 9. Осада ее разума. Неферхотеп	52
Глава 10. Страх забвения. Аниси	56
Конец ознакомительного фрагмента.	60

Мелоди Лейн

Подаренная Нилом

Глава 1. Трофей из черных земель. Неферхотеп

Воздух в моих покоях был неподвижен и напоен ароматами мирры и цветущего лотоса. Пламя масляных светильников отбрасывало танцующие тени на расписные стены, где мои победы навеки застыли в ярких красках. Вот я, наследник престола Гора, поражаю врагов Кемет из боевой колесницы. Вот я на охоте, и мой лук не знает промаха. Каждая линия, каждый мазок кисти прославлял мою силу, мою власть, мою божественную волю.

Я откинулся на подушки из тончайшего льна, ощущая под пальцами гладкую прохладу кубка из алебастра, наполненного финиковым вином. Позади остался зной пустыни, лязг оружия и предсмертные крики врагов. Покорение мятежных племен на южных границах завершилось полной победой, и караваны с данью уже тянулись к Фивам. Золото, слоновая кость, эбеновое дерево, благовония и... живые трофеи.

Лучший из них должны были привести ко мне с минуты на минуту.

Мои губы тронула усмешка. Дочь вождя. Говорят, она прекрасна, как сама Исида в час рассвета, и горда, как сокол, парящий над скалами. Что ж, тем слаще будет ее покорность. Она станет еще одним драгоценным камнем в моей сокровищнице, самым ярким символом моего триумфа.

Двери, окованные медью, беззвучно отворились. Двое моих нубийских стражей, чья кожа темнее самой ночи, ввели в зал девушку.

Я медленно поднял взгляд.

Боги, слухи не лгали. Они даже не смогли передать и десятой доли того, что предстало моим глазам.

На ней была простая одежда пленницы - грубое платье из небеленого льна, но оно не могло скрыть изящества ее стана. Длинные, иссиня-черные волосы, обычно заплетенные в десятки замысловатых кос, сейчас были распущены и спадали на плечи спутанным полотном, в котором запутались степные травы. Кожа ее, цвета расплавленного золота, казалась, светилась изнутри в полумраке моих покоев.

Но не это заставило меня забыть о вине в кубке. Ее глаза. Огромные, миндалевидные, цвета дикого меда. В них не было страха, не было мольбы, не было той заискивающей покорности, к которой я привык. В них горел огонь. Ненависть. Чистая, несгибаемая, первозданная, как сама пустыня.

Стражники грубо толкнули ее вперед, заставляя опуститься на колени на шкуру леопарда, что лежала у моих ног. Она пошатнулась, но устояла, не издав ни звука. Ее подбородок был высоко поднят, а взгляд, прямой и обжигающий, впился в меня.

- Оставь нас, - мой голос прозвучал ровно и властно. Стражники безмолвно поклонились и вышли, притворив за собой двери.

Мы остались одни. Тишину нарушало лишь потрескивание фитилей в светильниках.

Я поднялся, наслаждаясь моментом. Я был завоевателем. Она - моей добычей. Это был древний, как мир, танец, и я знал в нем каждое движение. Я медленно обошел ее, рассматривая, как ценят породистого скакуна. Хрупкие плечи, тонкая шея, на которой так вызывающе билась жилка, изящные запястья, которые скоро украсят золотые браслеты вместо веревок. Она была совершенна. И она была моя.

- Ты знаешь, кто я? - спросил я, останавливаясь прямо перед ней. Моя тень полностью накрыла ее маленькую фигурку.

Она молчала. Ее губы были плотно сжаты в упрямую линию.

- Я - Неферхотеп, сын фараона, живого бога. Будущий владыка Верхнего и Нижнего Египта, - произнес я, чеканя каждое слово. - А ты - мой дар. Моя пленница. Ее ресницы дрогнули, но она не опустила взгляда.

- Я - Аниси, дочь Амона-Ка, вождя племени Свободных Людей, - ее голос оказался на удивление звучным и чистым, без тени дрожи. - А вы - убийца моего отца и палач моего народа.

Внутри меня что-то вспыхнуло. Не гнев, нет. Удивление, смешанное с невольным восхищением. Какая дерзость. Какая отвага в обреченности. Любая другая на ее месте уже рыдала бы, целуя пыль с моих сандалий. Эта же смотрела на меня так, будто это я стоял перед ней на коленях.

- Твой отец поднял меч против воли фараона. Он заплатил за это справедливую цену, - холодно ответил я. - Как и твой

народ. Они теперь служат Египту. И ты будешь служить мне.

- Никогда, - прошептала она, и в этом шепоте было больше стали, чем в моем мече.

Я рассмеялся. Тихий, негромкий смех вырвался из моей груди.

- Ты думаешь, у тебя есть выбор? Твое тело, твоё дыхание, каждая твоя слеза отныне принадлежат мне. Ты будешь жить в роскоши, о которой твоё племя и не мечтало. Ты будешь есть с золотых блюд и спать на тончайшем льне. Ты станешь цветком в моем саду. Самым экзотическим.

Я присел перед ней на корточки, наши лица оказались на одном уровне. Я видел каждую ресничку, обрамлявшую её медовые глаза, густо подведенные черной кохлем, который размазался от пыли и, возможно, слез, которых она мне не показала. Я протянул руку и коснулся пряди её волос. Они были мягкими, словно нити самого тонкого шелка. Она резко отпрянула, как от прикосновения змеи.

- Не трогай меня, - прошипела она.

- Я буду трогать тебя, когда пожелаю, - мой голос стал тише, вкрадчивее. - Я буду делать с тобой все, что пожелаю.

Ты можешь бороться. Можешь ненавидеть меня. Это лишь позабавит меня. Но запомни, Аниси, дочь павшего вождя: твой мир разрушен. Я - твой новый мир. Я - твой бог. И ты научишься мне поклоняться.

Я встал и вернулся к кушетке, вновь беря в руки кубок с вином. Я сделал глоток, не сводя с нее глаз. Она все так же стояла на коленях, прямая, как стрела, несокрушимая в своем унижении. В ее глазах я видел не только ненависть. Я видел обещание. Обещание борьбы до самого конца.

И впервые за долгие годы, пресыщенный легкими победами и покорными женщинами, я почувствовал азарт. Сломать ее гордость будет куда интереснее, чем завоевать целое царство.

- Уведите ее, - приказал я невидимой страже за дверью. - Отведите в лучшие комнаты гарема. Омойте, оденьте в лучшие ткани. Пусть привыкает к своей новой жизни. К своей золотой клетке.

Когда двери за ней закрылись, я еще долго смотрел на то место, где она стояла. Аромат мирры и лотоса в моих покоях вдруг смешался с едва уловимым запахом степного ветра, полыни и непокорной свободы. И я понял, что этот трофей принесет мне куда больше хлопот - и куда больше удоволь-

ствия - чем я мог себе представить.

Глава 2. Шепот служанок. Аниси

Меня вели по бесконечным коридорам, чьи каменные полы были прохладны и гладки под моими босыми, натруженными ногами. Воздух здесь был другим - густым, неподвижным, пропитанным незнакомыми ароматами цветов и масел, которые душили, вытесняя из легких привычный запах пыли и вольного ветра. Стены были покрыты росписями. Я видела сцены охоты на гиппопотамов, пиры, процессии богов с головами животных. Все это было чужим, кричащим о богатстве и силе, которая растоптала мой мир и обратила его в пепел.

Каждый шаг отдавался болью не в ногах, а в сердце. Я только что смотрела в глаза убийце моего отца. Я говорила с ним. И я все еще была жива. Эта мысль не приносила облегчения, лишь жгучий стыд. Пока мои соплеменники умирали или заковывались в цепи, я, дочь вождя, была удостоена чести стать живой игрушкой для их завоевателя.

Стражники остановились перед резными дверями из кедра и грубо подтолкнули меня внутрь, после чего двери за мной закрылись с глухим стуком, отрезавшим меня от остального мира.

Я оказалась в просторной комнате, залитой мягким светом десятков светильников. Здесь было больше роскоши, чем я видела за всю свою жизнь. Низкая кровать, покрытая тончайшим льном, позолоченные сундуки с инкрустацией из лазурита, столик из эбенового дерева, на котором стояли кувшины и чаши. В углу журчала вода, стекая в небольшой бассейн, выложенный бирюзовой плиткой. Сквозь арку виднелся балкон, за которым простиралось ночное небо, усыпанное чужими звездами.

Это была не тюрьма. Это была клетка. Искусно сделанная, драгоценная, но все же клетка.

Из-за занавеси, сотканной из множества цветных нитей, вышли две женщины. Одна была уже в годах, с пронизательным, усталым взглядом и движениями, полными спокойного достоинства. Другая - совсем юная, почти девочка, смотрела на меня с испуганным любопытством.

- Приветствую тебя в доме жизни, - произнесла старшая женщина. Голос ее был ровным, лишенным эмоций. - Меня зовут Мерит. Я старшая служанка в этом крыле гарема. А это Исет. Нам приказано позаботиться о тебе.

Я молчала, глядя на них, как затравленный зверек. Они были частью этого мира, винтиками в машине, которая меня

перемолола.

- Господин желает, чтобы ты была омыта и одета подобающе, - продолжила Мерит, словно не замечая моего молчания. - Вода в бассейне теплая, в нее добавлены масла лотоса и жасмина.

Она сделала знак, и юная Исет подошла ко мне, протягивая руки, чтобы помочь снять мое грубое платье. Я отшатнулась, скрестив руки на груди.

- Не трогайте меня.

Мерит едва заметно вздохнула.

- Дитя, сопротивление здесь бессмысленно. Оно лишь принесет тебе боль. Ты теперь принадлежишь наследнику. Твое тело - его собственность. И оно должно быть ухожено.

- Мое тело принадлежит только мне! - выкрикнула я, и голос сорвался от ярости и отчаяния. - И духам моих предков!

- Духи твоих предков далеко, - спокойно парировала Мерит. - А принц Неферхотеп - здесь. Подумай сама. Ты хочешь предстать перед ним снова в этом рубище, покрытая пылью своей проигранной битвы? Или ты хочешь встретить

его взгляд с гордостью, облаченная в чистоту? Даже в неволе можно сохранить достоинство.

Ее слова были холодны и расчетливы, но в них была доля истины. Я опустила взгляд на свои руки, на грязь под ногтями, на платье, пропахшее потом и страхом. Он видел меня такой – униженной, разбитой. И это доставляло ему удовольствие. Мерит была права. Я не дам ему снова насладиться моим жалким видом.

Медленно, с каменным лицом, я распустила узел на поясе и позволила грубой ткани соскользнуть на пол. На мгновение я застыла, чувствуя себя обнаженной и уязвимой под их взглядами, но потом вскинула подбородок и сама шагнула к бассейну.

Вода оказалась не просто теплой, а ласковой, обволакивающей. Исет поливала мои плечи из медного кувшина, а Мерит с помощью губки и душистого мыла смывала с моей кожи грязь дорог и кровь моего народа. Я стояла неподвижно, как изваяние, заставив себя ничего не чувствовать. Я была камнем. Скалой. Меня нельзя было сломить.

Когда они принялись за мои волосы, я едва не застонала. Они распутывали колтуны, промывали каждую прядь, и их прикосновения были на удивление бережными. Я вспомни-

ла, как в детстве так же мыла мне волосы мама, напевая старые песни нашего племени. Слезы подступили к горлу горячим комом, но я проглотила их. Я не буду плакать. Не здесь. Не для них.

После омовения меня укутали в мягкую льняную ткань и усадили перед зеркалом из полированной бронзы. Я впервые за много дней увидела свое отражение. На меня смотрела незнакомка с огромными, полными ненависти глазами. Моя кожа, очищенная и умащенная маслами, приобрела золотистый оттенок.

Исет принесла тончайшее белое платье-калазирис, которое облегло фигуру, как вторая кожа. Мерит закрепила его на плечах изящными застежками. Затем они принялись расчесывать мои влажные волосы.

- У тебя волосы, как ночь над Нилом, - прошептала Исет, с восхищением проводя по ним гребнем из слоновой кости.

- Меньше болтай, - одернула ее Мерит, но в ее голосе не было злости. - Принц не любит ждать.

Они заплели мне несколько тонких кос у висков, украсив их золотыми нитями, а остальные волосы оставили свободно струиться по спине. Затем Мерит взяла палочку с черной

кохлем и умелым движением густо подвела мне глаза, придавая им миндалевидную форму и делая взгляд еще более глубоким.

Когда все было кончено, я посмотрела в зеркало еще раз. Из него на меня глядела египтянка. Пленница, наряженная для своего господина. От Аниси, дочери вождя, не осталось и следа. И от этого осознания внутри все похолодело.

- Теперь ты готова, - сказала Мерит. - Тебе принесут ужин. Ешь. Тебе понадобятся силы.

Они поклонились и вышли, оставив меня одну в этой роскошной тишине. Я подошла к балкону. Внизу раскинулся огромный город, сияющий тысячами огней. Вдали темной лентой извивался Нил, кормилец этой земли, который был так же чужд мне, как и все вокруг.

Я сжала кулаки так, что ногти впились в ладони. Он мог забрать мою свободу, мог нарядить меня в свои одежды, мог заставить жить в своем дворце. Но он никогда не получит моего духа. Я вспомнила его слова: "Я - твой новый мир. Я - твой бог".

Нет. Ты - мой враг. И пока бьется мое сердце, я буду помнить об этом. Каждый вдох в этой золотой клетке будет ак-

том неповиновения. Я выживу. И однажды я увижу, как его мир обратится в прах, так же, как он обратил в прах мой.

Глава 3. Символ власти. Неферхотеп

Когда за Аниси закрылись двери, тишина в моих покоях стала оглушающей. Аромат мирры и лотоса казался пресным, а вино в кубке утратило свой вкус. На леопардовой шкуре, где она стояла на коленях, остался едва уловимый запах - не благовоний, а степных трав, пыли и чего-то еще, дикого и свободного. Этот запах был неуместен среди полированного камня и позолоты, и оттого он будоражил кровь сильнее любого вина.

Я провел пальцами по гладкой поверхности кубка. Ее глаза. Даже сейчас я видел их перед собой. В них не было и тени покорности, которую я привык видеть в глазах женщин - будь то знатные египтянки, ищущие моей благосклонности, или иноземные принцессы, присланные в дар моему отцу. В ее взгляде пылал костер, который мог согреть или сжечь дотла.

Какая дерзость. "Вы - убийца моего отца". Она бросила мне эти слова в лицо, зная, что одно мое движение может оборвать ее жизнь. Она не боится смерти. Или же ее ненависть сильнее страха. Это интриговало.

В дверь тихо постучали.

- Войди, Пасер.

В комнату вошел мой старый друг и самый верный военачальник. Его лицо, обветренное пустынными ветрами, было покрыто сетью мелких морщин, а в глазах застыла мудрость человека, видевшего сотни битв. Он был одним из немногих, кому я позволял говорить со мной без лишних церемоний, когда мы были наедине.

- Мой принц, - он поклонился, но в его голосе звучала теплая нота. - Все караваны с данью прибыли. Вожди покоренных племен ожидают твоего слова завтра на рассвете.

- Хорошо, - кивнул я, делая глоток. - Пусть ждут. Они должны понять, кто теперь их хозяин.

Пасер подошел ближе, его взгляд скользнул по комнате.

- Я слышал, тебе доставили главный трофей. Дочь Амона-Ка. Говорят, она так же прекрасна, как легендарные царицы древности.

- Слухи не лгут, - усмехнулся я. - Она прекрасна. И так же

дика, как гиена в пустыне.

- Диких зверей держат в клетках, - пожал плечами Пасер. - Или убивают, чтобы не укусили. Эта девчонка – дочь вождя. В ее жилах течет кровь бунта. Неосторожное слово, брошенное ею в гареме, может породить заговор. Другие наложницы будут ревновать, слуги - подслушивать. Дворцовые стены имеют больше ушей, чем все шпионы фараона.

Он был прав. Дворец - это то же поле битвы, только вместо мечей здесь используют яд и интриги. Мои враги, а их было немало, особенно среди жрецов Амона, ищущих любой повод ослабить мою власть, не преминут воспользоваться любой моей слабостью.

- Она не слабость, Пасер. Она - символ, - возразил я, поднимаясь. Я подошел к стене, где была изображена моя победа. - Каждый, кто увидит ее в моем гареме, будет знать: даже самые гордые склоняются перед мощью Египта. Ее покорность будет громче любых моих указов.

- Если ты добьешься этой покорности, - резонно заметил военачальник. - А если она станет кинжалом, который ты сам пригрел на своей груди?

Я повернулся к нему.

- Я ценю твою заботу, друг. Но я привык укрощать и более опасных врагов. Она - всего лишь женщина.

Хотя, произнося это, я понимал, что лгу самому себе. Она была не "всего лишь". В ней была сила, которую я хотел не просто сломить, а направить в свое русло. Заполучить ее преданность, а не только ее тело. Заставить ее смотреть на меня не с ненавистью, а с тем же огнем, но обращенным в обожание. Это была бы величайшая из моих побед.

- Как прикажешь, мой принц, - Пасер склонил голову, понимая, что тема закрыта. - Есть еще кое-что. Жрец храма Птаха, Мери-Ра, снова просит аудиенции. Он недоволен размером пожертвований от военной добычи.

Я поморщился. Жрецы. Вечно голодные до золота и власти.

- Скажи ему, что боги получили свою долю. А остальное пойдет на укрепление границ и строительство нового храма в честь моего отца. Пусть Мери-Ра лучше молится о процветании Египта, а не о толщине собственного кошелька.

Пасер усмехнулся.

- Он будет недоволен.

- Я переживу его недовольство, - мой голос стал жестким.

- Отпусти его, Пасер. И отдохни. Завтра будет долгий день.

Когда он ушел, я остался один со своими мыслями. Интриги жрецов, недовольство вельмож, управление огромной страной - все это было привычной рутинной. Но образ непокорной пленницы не выходил из головы.

Я хлопнул в ладоши. В комнату тут же вошел слуга.

- Позови главного ювелира. Немедленно.

Через некоторое время передо мной стоял ссутулившийся старик, чьи пальцы творили чудеса из золота и драгоценных камней.

- Мой господин, - пролепетал он, не смея поднять глаз.

Я указал на один из ларцов.

- Достань лучшее ожерелье-усех, что у тебя есть. Широкое, из чистого золота, с лазуритом и сердоликом.

Ювелир торопливо выполнил приказ, разложив на льняной ткани великолепное украшение. Солнечные лучи, отраженные от его поверхности, заиграли на стенах. Ожерелье

было прекрасным, царственным. И достаточно массивным, чтобы постоянно напоминать о своем присутствии на шее.

- Оно идеально, - произнес я. - Отнеси его в покои новой наложницы, той, что из южных земель. Скажи, что это мой дар. Знак моей благосклонности.

Ювелир, пятясь, унес ожерелье. Я представил, как его возложат на ее тонкую шею. Этот дар был и милостью, и око-вами. Символом ее нового положения. Она не сможет его снять. Она будет носить мое золото, дышать моим воздухом, жить под моей властью.

Я подошел к карте Египта, вырезанной на стене. Мои пальцы прошли по изгибам Нила, по черным землям Кемет, по красным пескам пустыни. Все это будет моим. И она тоже. Она будет самой яркой жемчужиной в моей короне, самой сложной и оттого самой желанной из всех моих завоеваний. Игра началась, и я не привык проигрывать.

Глава 4. Ожерелье цвета крови и неба. Аниси

Глава 4. Ожерелье цвета крови и неба. Аниси Ночь в золотой клетке была длинной и без снов. Я сидела на краю кровати, покрытой тончайшим льном, но не смела лечь. Это была его кровать, в его дворце, в его городе. Принять этот комфорт казалось предательством по отношению к моим соплеменникам, спящим на холодной земле или в тесных бараках для рабов. Я смотрела на луну, висевшую в проеме балкона. Была ли это та же луна, что светила над нашим разоренным стойбищем? Она казалась чужой, холодной, безучастной к моему горю.

Утром пришли те же служанки, Мерит и Исет. Они принесли поднос с едой, от вида которой у меня свело желудок. Свежие финики, гранаты, чьи зерна поблескивали, как рубины, теплый хлеб и кувшин с прохладным молоком, подслащенным медом. Мое тело, измученное долгим переходом и голодом, требовало пищи, но разум кричал, что это яд. Принимая еду из рук врага, я признаю его власть надо мной.

- Ты должна поесть, - мягко сказала Исет, видя мое оцепенение. - Иначе ослабнешь.

- Пусть, - бросила я, отворачиваясь.

- Слабыми легче управлять, - раздался спокойный голос Мерит. Она поставила поднос на низкий столик. - Сила нужна тебе не для того, чтобы умереть с голоду, а для того, чтобы выжить. Мертвая дочь вождя никому не бросит вызов. Живая - может дожидаться своего часа.

Ее слова были как холодная вода, вылитая на раскаленные камни. В них была жестокая логика, которую я не могла отрицать. Я не имела права на слабость. Не ради себя, а ради памяти моего отца, ради тех, кто верил в меня. Сцепив зубы, я взяла кусок хлеба. Он показался мне безвкусным, как песок, но я заставила себя прожевать и проглотить его. Потом еще один. Я ела, чтобы жить. Я буду жить, чтобы ненавидеть.

Когда я закончила, в комнату вошел пожилой, сгорбленный мужчина в богатых одеждах. Его руки были покрыты мозолями, а глаза смотрели с заискивающим страхом. За ним следовал слуга с ларцом из кедра.

- Приветствую тебя, госпожа, - пролепетал он, кланяясь так низко, что почти коснулся лбом пола. - Я главный ювелир его высочества. Принц Неферхотеп шлет тебе дар в знак своей благосклонности.

Слуга открыл ларец. Внутри, на подушке из темного шелка, лежало ожерелье. Я затаила дыхание. Это было не просто украшение, это было произведение искусства. Широкий воротник-усех, сплетенный из тысяч золотых пластин, перемежался с рядами лазурита, синего, как полуденное небо, и сердолика, красного, как застывшая кровь. Оно сияло, вбирая и отражая свет, обещая несметные богатства и высокое положение.

- Наденьте это на себя, - приказал ювелир Исет, которая ахнула от восхищения.

- Нет, - мой голос прозвучал резко и громко в тишине комнаты.

Ювелир замер, его лицо побелело от ужаса. Исет испуганно отпрянула.

- Но... госпожа... это дар принца. Отказаться...

- Это не дар, а клеймо, - отчеканила я, глядя на сверкающее золото. - Я не надену его.

- Умоляю тебя, дитя, - прошептал старик, его руки задрожали. - Если я вернусь и скажу, что ты отказалась, его гнев

падет на меня! На моих детей! Он велел мне лично убедить-
ся, что дар принят.

Я посмотрела на его испуганное лицо, на юную Исет, ко-
торая в ужасе прижала руки ко рту. И поняла. Мой бунт уда-
рит не по принцу. Ему он доставит лишь мимолетное раз-
дражение или даже забаву. А эти люди, ни в чем не повин-
ные, заплатят за мою гордость. Он намеренно отправил этого
старика, зная, что я окажусь перед выбором: моя честь или
чужая жизнь. Это была его первая игра, его первый урок.

Внутри все кипело от бессильной ярости. Он был еще бо-
лее жестоким и расчетливым, чем я думала. Он не просто
ломал, он заставлял ломать себя своими же руками.

- Хорошо, - ледяным тоном произнесла я. - Я приму его.

С лица ювелира схлынуло напряжение. Он хотел было
взять ожерелье, но я остановила его жестом.

- Я надену его сама.

Я взяла украшение в руки. Оно оказалось внушительным,
его прохладный металл лег на кожу. Я защелкнула застежку
на шее. Его значительная масса тут же дала о себе знать, за-
ставляя меня выпрямить спину, чтобы нести его. Оно лежа-

ло на моих ключицах, сияя и переливаясь. Золотые оковы.

Я подошла к бронзовому зеркалу. Из него на меня смотрела знатная египтянка. Ее кожа сияла, глаза были ярко подведены, а на шее сверкало целое состояние. Но глаза глаза были мертвы. В них не отражался ни свет светильников, ни блеск золота. В них застыла вечная зима.

- Передай своему господину, - сказала я, глядя на свое отражение, но обращаясь к ювелиру, - что я благодарю его за щедрость.

Старик, бормоча слова благодарности, поспешно ретировался.

Когда дверь за ним закрылась, я провела пальцами по гладкой поверхности сердолика. Каждое звено этого ожерелья было выковано из крови моего народа. И я буду носить его, как вечное напоминание о своем долге. Он думает, что украсил меня. Нет. Он вооружил меня. Теперь моя ненависть обрела физическую форму.

Глава 5. Аудиенция на рассвете. Неферхотеп

Рассветное солнце окрасило верхушки фиванских храмов в цвет расплавленного золота. Я уже стоял в тронном зале, облаченный в церемониальный схенти и широкий воротник, символизирующий мою власть. Воздух был прохладен, но день обещал быть жарким во всех смыслах. Передо мной, распростершись ниц на каменном полу, лежали вожди покоренных племен - те, кто выжил. Вчерашние гордые правители, сегодня они были лишь пылью у моих ног.

Я позволил им лежать так достаточно долго, чтобы холод камня проник в их кости и сердца, напоминая о бренности их бывшего величия. Лишь затем я подал знак.

- Встаньте, - мой голос эхом разнесся под высокими сводами зала.

Они медленно поднялись. Их лица были смесью страха, ненависти и унижения. Я смотрел на каждого, встречая их взгляды своим - холодным и непроницаемым.

- Вы осмелились поднять оружие против воли Гора на зем-

ле, против моего отца, фараона, да будет он жив, здоров и вечен! - я начал говорить, и каждое слово падало, как удар бича. - Вы сеяли смуту и грабили караваны. За это вы заслуживаете смерти. Но фараон милостив. Он дарует вам жизнь. Отныне ваши земли принадлежат Египту. Ваши люди будут трудиться во славу Египта. Вы же вернетесь в свои селения как мои заместники и будете следить за сбором дани. Любое неповиновение, любой шепот бунта - и ваши головы украсят стены моей крепости. Вы меня поняли?

- Да, великий принц, - донеслось до меня их сдавленное бормотание.

- Громче!

- ДА, ВЕЛИКИЙ ПРИНЦ! - проскандировали они в один голос.

- Хорошо. А теперь принесите клятву верности на крови.

Стража внесла ритуальную чашу. Я видел, как дрогнули некоторые из вождей. Этот древний обряд связывал их нерушимыми узами. Они стали моими псами, и поводок был в моих руках. Аудиенция была окончена. Я доказал свою силу.

Вернувшись в свои покои, я сбросил тяжелые церемони-

альные украшения. Слуга принес мне воды для омовения рук и доложил:

- Мой господин, главный ювелир вернулся. Он сказал, что дар был принят.

- Он сказал что-то еще? - спросил я, вытирая руки льняным полотенцем.

- Он передал слова наложницы, мой принц. Она она благодарила вас за щедрость.

Я замер. Благодарила? Я ожидал чего угодно: молчания, проклятий, новой вспышки ярости. Но не этого. Не вежливой, холодной благодарности. Она оказалась умнее, чем я предполагал. Она поняла правила игры. Она не стала биться головой о стену, а нашла способ подчиниться, не покорившись духом. Это было... восхитительно.

Мое желание увидеть ее стало непреодолимым. Я хотел посмотреть в ее глаза сейчас, когда она носит мое золото. Увидеть, как в них отражается ее поражение.

- Я иду в крыло гарема. Пусть меня никто не сопровождает, - бросил я слуге и направился по коридорам, которые вели в женскую половину дворца.

Ее комната была одной из лучших, с видом на сад и Нил. Стражники у дверей безмолвно расступились. Я вошел без стука.

Она стояла на балконе, спиной ко мне, и смотрела на реку. Легкий ветер трепал ее распущенные черные волосы. Белое платье-калазирис облегло ее хрупкую фигуру, а на шее, подобно солнечному диску, сияло мое ожерелье. Контраст между ее изяществом и внушительным украшением был разительным. Она выглядела как дикая птица, на которую надели драгоценный ошейник.

Она услышала мои шаги и медленно обернулась. На ее лице не было ни страха, ни удивления. Лишь холодное, отстраненное спокойствие. Она чуть склонила голову в знак почтения - выверенный, отточенный жест, которому ее, без сомнения, научила Мерит. Но ее глаза... В них по-прежнему горел тот самый огонь.

- Я рад, что мой скромный дар пришелся тебе по вкусу, - произнес я, медленно подходя ближе.

- Дар господина - великая честь для рабыни, - ответила она ровным голосом, в котором не было ни капли тепла.

- Ты быстро учишься, Аниси, - я остановился в шаге от нее. Я был значительно выше, и ей пришлось слегка поднять голову, чтобы смотреть на меня. - Но ты не рабыня. Рабыни работают в каменоломнях. Ты - сокровище в моей коллекции. И я хочу, чтобы мои сокровища сияли.

Я протянул руку и коснулся пальцами холодного металла ожерелья на ее шее. Она вздрогнула, как от прикосновения раскаленного железа, но не отступила. Я почувствовал, как напряглись мышцы на ее шее. Под моими пальцами билась ее жилка - часто, испуганно, как у пойманного в силки зверька. Мне доставило дикое удовольствие это доказательство того, что за ее ледяной маской скрывается живое, трепещущее сердце.

- Оно тебе идет, - прошептал я ей почти в самое ухо, наслаждаясь ее затаенным дыханием. - Подчеркивает цвет твоей кожи и хрупкость твоей шеи.

Она молчала, но я видел, как сжались ее кулаки.

- Ты будешь учиться, - продолжил я, отступая на шаг. - Ты выучишь наш язык в совершенстве, научишься играть на арфе и танцевать. Ты познаешь наших богов и наши обычаи. Ты станешь настоящей египтянкой.

- Вы хотите стереть из меня все, что было? - впервые в ее голосе прозвучали нотки горечи.

- Я хочу создать нечто новое. Совершенное, - ответил я. - Из дикого камня я сделаю бриллиант. Ты будешь принадлежать мне не только телом, но и разумом.

Я повернулся, чтобы уйти. У самой двери я остановился и, не оборачиваясь, бросил:

- Чем сильнее ты будешь сопротивляться, тем интереснее будет процесс. Но не забывай, Аниси. Огонь может согреть, но если он вырвется из-под контроля, его потушат. Любыми способами.

Я вышел, оставив ее одну с моими словами и моим золотом на шее. Я был доволен. Она приняла бой на моих условиях. Это будет долгая, изнурительная осада, но я был терпелив. Я был охотником, а она - самым прекрасным и самым опасным зверем из всех, что мне встречались. И я наслажусь каждым мгновением этой охоты.

Глава 6. Пруд с лотосами и ядом. Аниси

Когда он ушел, воздух в комнате снова стал пригоден для дыхания. Его присутствие было подобно зною хамсина, горячего пустынного ветра, который выжигает все живое и забивает легкие песком. Я осталась стоять на балконе, вслушиваясь в биение собственного сердца. Оно стучало часто и гулко, как барабан нашего племени, призывающий к битве.

"Огонь... его потушат".

Это была угроза, ясная и неприкрытая. Но он ошибся. Мой огонь - это не пламя в очаге, которое можно залить водой. Мой огонь - это тихий, тлеющий уголь глубоко внутри, который невозможно потушить, не уничтожив меня саму. И я не собиралась облегчать ему эту задачу.

Его слова о том, что он сотрет меня, чтобы создать нечто новое, не испугали, а разозлили еще больше. Он видел во мне лишь необработанный материал для своих амбиций, дикий камень. Он не понимал, что камни нашей пустыни веками закалялись под палящим солнцем и ледяными ночами. Они не становятся бриллиантами. Они остаются собой -

твердыми, острыми, способными ранить неосторожную руку.

Следующий день начался с вторжения. Не его самого, но его воли. В мои покои вошел пожилой мужчина, сухой и прямой, как стебель папируса. Его звали Пенту, и он был писцом, приставленным учить меня их языку и письму.

Он разложил на столике свиток чистого папируса, достал палетку с черной и красной краской и тростниковые кисточки.

- Мы начнем с основ, госпожа, - произнес он бесцветным голосом. - Вот знак, обозначающий воду. "Н". Он похож на волны на великой реке. Попробуй повторить его.

Я сидела на подушке напротив него, сложив руки на коленях. Мой взгляд был устремлен мимо него, на роспись на стене, где охотник натягивал лук. Я не двигалась. Я не говорила. Я стала той самой статуей из гранита, о которой он, должно быть, мечтал.

Пенту терпеливо повторил свою просьбу. Потом еще раз. Его голос оставался ровным, но я видела, как напряглась складка у его рта. Он был слугой, исполняющим приказ. Мое неповиновение ставило под удар и его. Но я не могла. Взять

в руки их кисточку, начертить их знаки - означало сделать первый шаг к превращению в одну из них. Означало предать язык моего отца, песни моей матери.

- Госпожа, - вздохнул он после долгого молчания. - Принц не терпит непослушания. Ваше упрямство не принесет вам ничего, кроме беды.

Я медленно повернула голову и посмотрела ему в глаза. Я все так же молчала, но мой взгляд сказал все. "Мне нечего больше терять". Писцу хватило мудрости понять. Он еще некоторое время посидел в тишине, а затем молча собрал свои принадлежности и, поклонившись, удалился. Это была моя первая маленькая победа. Горькая и, скорее всего, временная.

Позже, устав от четырех стен, я позволила Исет проводить меня в сад гарема. Это было место невероятной красоты. Тенистые аллеи под сикоморами, пруды, заросшие розовыми и голубыми лотосами, жужжание пчел и аромат цветущего жасмина. Но высокие стены, окружавшие сад, не давали забыть, что это лишь еще одна, более просторная, комната в моей клетке.

Я сидела на скамье у пруда, глядя на свое отражение в темной воде. Золотое ожерелье на моей шее поймало сол-

нечный луч и ослепительно сверкнуло.

- Какое прекрасное украшение. Должно быть, очень ценное.

Я подняла голову. Передо мной стояли две женщины, одетые еще роскошнее, чем я. Одна, высокая и статная, с глазами газели и надменной улыбкой, была явно главной. Вторая держалась чуть позади, с любопытством разглядывая меня.

- Его высочество всегда был щедр к своим новым увлечениям, - продолжила первая, ее голос был сладким, как перезрелый инжир, но с ядовитой косточкой внутри. - Меня зовут Кийа. Я - первая наложница в этом дворце. А это - Таиа.

Я молча кивнула.

- Мы слышали, ты из диких южных земель, - Кийа обошла вокруг моей скамьи, рассматривая меня, как диковинного зверька. - Говорят, вы там живете в шатрах и поклоняетесь духам песка. Должно быть, дворец кажется тебе настоящим раем?

- Рай - это место, где ты свободен, - ответила я холодно. - А клетка, даже из золота, остается клеткой.

Надменная улыбка дрогнула на ее губах.

- Осторожнее со словами, дикарка. Язык в Фивах может быть острее любого кинжала. А принц не любит, когда его игрушки показывают зубы. Он быстро теряет к ним интерес. И тогда они оказываются в самом дальнем и пыльном углу гарема.

Она сделала знак, и они удалились, оставив за собой шлейф тяжелых духов и неприкрытой угрозы. Я осталась одна. Теперь я знала: мой враг не только он. Мои враги здесь повсюду. В каждой тени, в каждом шепоте, в каждом завистливом взгляде. Они видели во мне соперницу за внимание хозяина.

Я коснулась ожерелья на шее. Он хотел, чтобы оно было моим клеймом. Но для этих женщин оно было знаком его расположения. Ирония была жестокой. Он бросил меня в этот пруд со змеями, и этот золотой ошейник был приманкой для них.

Что ж. Мой народ умел выживать в пустыне. Мы знали, как отличить ядовитую змею от безобидной, как найти воду под раскаленным песком. Я научусь выживать и здесь. Я не стану их жертвой. Я буду скалой, о которую разобьются их ядовитые волны.

Глава 7. Тень кобры в саду. Неферхотеп

День был посвящен делам государства. Вместе с главным зодчим мы рассматривали планы расширения храма Карнака - проект, который должен был прославить правление моего отца в веках и, разумеется, мое собственное. Я утверждал сметы на поставку песчаника из Гебель эс-Сильсилы, проверял отчеты о сборе зерна в Дельте, выслушивал жалобы номархов. Мой разум был занят цифрами, логистикой и политикой - теми вещами, что составляли основу власти.

И все же, сквозь сухие строки отчетов и чертежи колонн, перед моими глазами то и дело возникал ее образ. Аниси. Стоящая на балконе, с гордо поднятой головой, с моим золотом на шее. Я отгонял это видение, но оно возвращалось, настойчивое и будоражащее.

Ближе к полудню ко мне явился писец Пенту. Его лицо было непроницаемо, как и подобает придворному, но я умел читать по едва заметным признакам. Легкая тень в глазах, чуть более ссутуленные плечи.

- Мой принц, - доложил он, поклонившись. - Я провел пер-

вый урок с наложницей из южных земель.

- И каковы ее успехи? - спросил я, откладывая свиток.

- Ее успехи отсутствуют, мой господин, - осторожно произнес Пенту. - Она не произнесла ни слова. Не взяла в руки кисть. Она сидела, словно изваяние из диорита. Ее тело было в комнате, но ее дух - за тысячу лиг отсюда.

Я откинулся на спинку кресла. Внутри вместо гнева шевельнулось нечто похожее на азарт. Она выбрала тактику пассивного сопротивления. Умно. Глупо, но умно. Она бросает мне вызов, не давая формального повода для наказания.

- Ты можешь идти, Пенту, - сказал я. - Продолжай свои попытки. Каждый день, в тот же час. Если она не хочет учиться, пусть учится терпению. И ты вместе с ней.

Писец удалился, явно испытывая облегчение. Я же задумался. Сломать ее упрямство силой было бы слишком просто и грубо. Это все равно что разбить прекрасную вазу молотом, чтобы посмотреть, что внутри. Нет, ее нужно вскрывать медленно, слой за слоем.

Позже, когда дневная жара начала спадать, я направился в свои покои по галерее, которая проходила над садом

гарема. Резные деревянные решетки-машрабии позволяли видеть все, что происходит внизу, оставаясь незамеченным. Это было мое излюбленное место для наблюдений. Сад был микрокосмом моего двора: здесь плелись свои интриги, заключались союзы и объявлялись войны.

Я увидел ее. Она сидела у пруда, одна. Ее поза выражала не покорность, а напряженное одиночество. А затем я увидел Кийю. Я знал Кийю слишком хорошо. Прекрасная, страстная, но ревнивая и не слишком умная. Она была как породистая кошка: ласковая, когда ее гладят, но выпускающая когти при виде любой, кто может посягнуть на ее миску с молоком. Я наблюдал, как она подошла к Аниси, как ее губы изогнулись в приторно-сладкой улыбке, которую я так хорошо знал. Я не мог расслышать слов, но видел все: надменность Кийи, ее оценивающий взгляд, и холодную, непроницаемую маску на лице Аниси.

Аниси ответила ей. Всего несколько слов. Но после них Кийя изменилась в лице, и ее уход был больше похож на отступление.

Я усмехнулся. Львица и дворцовая кошка. Результат был предсказуем. Аниси не только не испугалась, она дала отпор. И сделала это с таким ледяным достоинством, что даже я был впечатлен.

Но в то же время меня охватило раздражение. Это была моя игра. Это я должен был испытывать ее, ломать и изучать. Кийа, с ее мелочной ревностью, лишь мешала, создавая ненужный шум. Она была глупым инструментом, который мог повредить ценную вещь. И еще мысль о том, что кто-то другой смеет досаждать ей, вызывала во мне глухое, собственническое негодование. Она - моя. И только я решаю, когда и как она будет страдать или радоваться.

Я покинул галерею и, вернувшись в свои покои, подозвал начальника моей личной стражи.

- Маху, - сказал я. - Передай госпоже Кийе, что на этой неделе я не желаю ее видеть. Пусть посвятит свое время молитвам богине Хатхор и размышлениям о скромности.

Маху молча поклонился и вышел. Новость разнесется по гарему быстрее ветра. Это будет публичное унижение для Кийи. И четкий сигнал для всех остальных.

Сигнал о том, что южная дикарка находится под моим особым покровительством. Что трогать ее - значит навлекать на себя мой гнев.

Я не защищал ее. Боги, нет. Я лишь расчищал игровое по-

ле. Я изолировал ее от мелких дворцовых дрызг, чтобы она не могла найти ни врагов, ни союзников. Чтобы единственным человеком, с которым ей придется иметь дело, с которым ей придется бороться, которого придется ненавидеть или... бояться, был я.

Я подошел к окну, выходящему на Нил. Великая река несла свои воды спокойно и неумолимо. Так и я буду вести свою игру. Терпеливо, методично, шаг за шагом. Она еще не понимает, что, отгородив ее от когтей дворцовых кошек, я запер ее в клетке наедине с леопардом.

Глава 8. Опасное покровительство. Аниси

После столкновения с Кийей в саду я ждала бури. Я ожидала мелких пакостей, злых козней, возможно, даже физической угрозы. В мире, где женщины борются за благосклонность одного мужчины, доброта - это слабость, а новая фаворитка - это враг, которого нужно уничтожить. Я готовилась защищаться, точить свои шипы, превращаться в дикобраза, к которому невозможно подступиться.

Но буря не грянула. Вместо этого наступила странная, неестественная тишина.

На следующий день Кийа не появилась в саду. И на следующий тоже. Женщины, которые раньше бросали на меня любопытные или враждебные взгляды, теперь спешно отводили глаза, когда я проходила мимо. Шепот, который следовал за мной по пятам, теперь начинался лишь тогда, когда я отходила на безопасное расстояние. Я стала не просто чужачкой, а неким запретным, опасным явлением. Вокруг меня образовалась пустота, невидимая стена, еще более прочная, чем стены этого дворца.

Я не понимала, что происходит, пока однажды вечером юная Исет, расчесывая мои волосы перед сном, не прошептала, дрожа от страха:

- Госпожа... госпожа Кийа... ее высочество разгневался на нее.

Я замерла, глядя на наше отражение в полированной бронзе зеркала.

- Разгневался? За что?

- Никто не знает точно, - лепетала девушка, ее руки едва не выронили гребень из слоновой кости. - Говорят, она чем-то досадила вам. И принц... он запретил ей появляться перед его очами целую седмицу. Для первой наложницы - это страшное унижение. Все в гареме теперь боятся даже дышать в вашу сторону.

Холод, не имеющий ничего общего с вечерней прохладой, прошел по моей спине. Я медленно подняла руку и коснулась золотого ожерелья на шее.

Так вот оно что.

Он не защитил меня. Он поставил на мне свое клеймо еще

раз, на этот раз - невидимое, но понятное всем обитательницам этого змеиного гнезда. Он не избавил меня от врагов, он просто объявил всем, что я - его личная собственность, и только ему позволено меня мучить. Он расчистил поле для своей игры, убрав с него все лишние фигуры.

Внезапно я почувствовала себя еще более одинокой и беззащитной, чем прежде. Раньше я была просто пленницей среди других женщин. Теперь я была его пленницей. Отмеченной. Изолированной.

На следующий день, когда писец Пенту снова пришел со своими свитками, мое молчаливое упрямство обрело новый смысл. Это было не просто нежелание учить язык врага. Это был единственный способ сохранить хоть что-то свое в мире, который он так методично строил вокруг меня. Мое молчание, мой отказ - это был мой единственный клочок родной земли, на котором я еще стояла.

Вечером он пришел.

Я сидела на подушках у окна, глядя на то, как первые звезды зажигаются над темнеющей лентой Нила. Я почувствовала его присутствие раньше, чем услышала шаги. Воздух в комнате стал плотнее, ароматы масел и цветов - резче.

Он не стал говорить издалека. Подошел и остановился рядом, глядя туда же, куда и я.

- Стало тише в твоих днях, Аниси? - спросил он, и в его голосе звучала откровенная насмешка.

Я медленно повернулась и посмотрела на него снизу вверх.

- Тишина в клетке - это не покой. Это ожидание появления хозяина.

Уголки его губ дрогнули в усмешке. Он оценил ответ.

- Я убрал шакалов, которые могли тебя потревожить. Ты должна быть благодарна.

Кровь бросилась мне в лицо.

- Благодарна? - я поднялась на ноги, чтобы наши глаза были почти на одном уровне, хотя мне и пришлось задрать голову. - Вы думаете, я не понимаю, что вы сделали? Вы сделали это не для меня. Вы сделали это для себя! Чтобы показать всем, что эта вещь, - я ткнула пальцем в золотое ожерелье, - принадлежит только вам. Чтобы никто другой не смел допрагиваться до вашей игрушки!

Я ожидала гнева. Удара. Крика. Но он лишь смотрел на меня, и в его глазах цвета горького шоколада разгорался огонь - не ярости, а... интереса.

- Ты удивительно проницательна... для дикарки, - произнес он медленно, смакуя каждое слово. - Да. Ты права. Все, что находится в моем саду, растет и цветет по моим правилам. И я лично выпалываю сорняки, что мешают расти самым редким цветам.

Его откровенность обезоруживала больше, чем любая угроза. Он не отрицал, он подтверждал мою самую страшную догадку. Я для него - лишь редкий цветок. Экспонат.

- Я не цветок, - прошипела я. - Я - дочь своего отца. Мое имя Аниси.

- Твой отец мертв, - отрезал он, и его голос стал холодным, как камень. - Его имя скоро сотрется из памяти людей, как следы на песке. А твое имя твое имя будет таким, каким я пожелаю его сделать. Привыкай к этому.

Он развернулся и ушел, оставив меня дрожать от бессильной ярости. Я подошла к зеркалу и посмотрела на свое отражение. На женщину в богатых одеждах с золотом на шее.

Кто она? Где та Аниси, что скакала на коне по бескрайней степи? Он не просто держал в плену мое тело. Он вел осаду моей души, пытаясь стереть мое имя, мою память, все, чем я была. И я понимала, что эта битва будет самой страшной в моей жизни.

Глава 9. Осада ее разума. Неферхотеп

"Вы сделали это для себя!"

Ее слова все еще звучали в моей голове, даже когда я разбирал донесения от начальника пограничной крепости в Нубии. Она не просто угадала. Она поняла суть. Она заглянула за фасад моих действий и увидела холодный расчет, который лежал в их основе. Большинство женщин в моем окружении видели лишь поверхность: гнев, милость, щедрость. Они не пытались понять причины, их волновали лишь последствия. Аниси же смотрела в корень.

Это было опьяняюще. Я впервые столкнулся с умом, равным моему, в столь прекрасной оболочке. Мое решение изолировать ее было верным. Мелкие интриги Кийи и ей подобных были бы для нее неинтересной и недостойной помехой. Ее противником должен быть только я.

Доклад писца Пенту на следующее утро был предсказуем.

- Она по-прежнему молчит, мой господин. Словно воды Нила в рот набрала.

- Это хорошо, - ответил я, к удивлению писца. - Значит, ее воля еще не сломлена. Смени тактику, Пенту. Не заставляй ее писать. С этого дня ты будешь ей читать.

- Читать, мой принц?

- Да. Читай ей все. "Поучения Птаххотепа", чтобы она узнала о мудрости. "Сказание о Синухете", чтобы она поняла, что нет земли лучше Египта. Читай ей гимны Атону и Ра, чтобы она познала наших богов. Не требуй от нее ответов. Просто наполняй ее тишину нашими словами. Пусть египетская речь станет для нее воздухом, которым она дышит. Рано или поздно она сама захочет заговорить на нем.

Пенту поклонился, и я увидел в его глазах проблеск восхищения моей стратегией. Это была не грубая сила, а медленная, неумолимая осада. Я не ломал ворота ее крепости, я собирался затопить ее земли своими водами, пока она сама не откроет мне их.

Но этого было мало. Ее заточение в гареме, даже в роскошном, превращало ее в экзотическое растение под стеклянным колпаком. А я хотел видеть, как она поведет себя в моем мире.

Вечером я снова пришел в ее покои. Она стояла у окна, и ее силуэт на фоне заката был так прекрасен, что у меня на миг перехватило дыхание. Золотое ожерелье на ее шее уловило последние лучи солнца и вспыхнуло огнем.

Она обернулась на мои шаги, и ее тело напряглось, как у дикой кошки, готовой к прыжку.

- Ты бледна, - сказал я, проигнорировав ее враждебность. - Воздух дворца не идет на пользу той, что привыкла к просторам пустыни. Завтра ты прогуляешься со мной.

Ее глаза расширились от удивления, которое тут же сменилось подозрением.

- Прогуляюсь? Куда?

- В Великий Дом Жизни. В библиотеку при храме Тота, - ответил я, наслаждаясь ее замешательством. - Ты отказываешься учиться читать по свиткам. Что ж, тогда я покажу тебе, от чего ты отказываешься. Ты увидишь величайшую сокровищницу знаний, собранную моими предками.

- Я не хочу, - твердо сказала она.

Я подошел вплотную. Она не отступила, но я видел, как

она сжала кулаки.

- Это звучало не как просьба, Аниси, - произнес я тихо, но так, чтобы каждое слово вонзилось в ее сознание. Я протянул руку и, прежде чем она успела отреагировать, взял ее за подбородок, заставив поднять голову еще выше. Ее кожа была мягкой и теплой. - Ты пойдешь со мной. Ты увидишь величие моего мира. И ты поймешь, сколь ничтожно твое упрямство перед лицом вечности, запечатленной в этих папирусах.

Я отпустил ее так же резко, как и схватил.

- Мои служанки принесут тебе подходящее платье. Будь готова после утренней трапезы.

Я вышел, не дожидаясь ответа. Я знал, что она подчинится. У нее не было выбора.

Это был мой следующий ход. Я выводил ее из ее маленькой клетки в клетку побольше - в мой мир. Я хотел ошеломить ее, подавить ее волю не угрозами, а масштабом моей власти, культуры, истории. Я давал ей нить Ариадны в лабиринте моего мира, но эта нить была в моих руках. И я поведу ее туда, куда сочту нужным. Я покажу ей величие Египта, а затем заставлю признать, что я и есть Египет.

Глава 10. Страх забвения. Аниси

Быть готовой. Его приказ звучал в моей голове всю ночь, лишая сна. Я лежала на своей роскошной кровати и смотрела в темноту, а сердце колотилось, как пойманная в клетку птица. Он вытаскивал меня из моего укрытия. Он хотел не просто владеть мной в стенах гарема, он хотел выставить меня напоказ, продемонстрировать свое владычество над дикаркой из пустыни всему миру. Каждое мое движение, каждый взгляд будут изучать под тысячами глаз. Я стану живым доказательством его победы.

Утром служанки принесли одеяние, от которого я застыла в немом изумлении. Это было не простое белое платье-кала-зирис. Тончайший плиссированный лен цвета утренней зари, настолько прозрачный, что под ним угадывались очертания тела. Поверх него полагалось надеть широкую накидку из такой же ткани, расшитую по краям золотыми нитями и крошечными бусинами из бирюзы. К платью прилагались изящные сандалии из светлой кожи и парик - сложная конструкция из сотен мелких косичек, увенчанная золотым обручем с головой урея - священной кобры.

Я смотрела на все это великолепие с отвращением. Он хо-

тел не просто одеть меня, он хотел превратить меня в египтянку, стереть последние следы моего происхождения. Парик скроет мои длинные волосы, символ моего племени. Прозрачная ткань выставит напоказ мое тело, которое я всегда прятала под скромными одеждами. Это было очередное унижение, еще один способ показать мне мое место.

- Я не надену парик, - твердо сказала я, когда Исет приблизилась ко мне с тяжелой конструкцией.

Мерит, старшая служанка, бросила на меня свой обычный усталый, все понимающий взгляд. - Госпожа, таковы обычаи. Знатные женщины Египта не появляются на людях без парика. Это знак статуса.

- У меня другой статус, - отрезала я. - Я пленница. И я не буду прятать то, кем я являюсь.

Мерит не стала спорить. Возможно, она понимала, что это та битва, в которой я не уступлю. Служанки уложили мои волосы в сложную прическу, оставив их открытыми, и лишь затем помогли мне облачиться в платье. Когда я посмотрела на себя в бронзовое зеркало, я почувствовала себя голой. Ткань почти ничего не скрывала, и я ощущала себя уязвимой, выставленной на всеобщее обозрение.

Он ждал меня в одном из внутренних дворов дворца. Рядом с ним стояли носилки-паланкин, окруженные четверкой рослых нубийских рабов. Сам он был одет в простой, но элегантный схенти, его мощный торс и руки были обнажены, если не считать золотых браслетов и широкого ожерелья. Голова была чисто выбрита и сияла на солнце.

Его взгляд скользнул по мне сверху вниз, и я почувствовала, как щеки заливают краска стыда и гнева. Он не просто смотрел, он оценивал, владел, раздевал меня глазами еще больше, чем это делала прозрачная ткань.

- Ты ослушалась моего приказа, - сказал он тихо, имея в виду парик.

- Мои волосы - это память о моем народе, - ответила я, вскинув подбородок. - Вы можете забрать мою свободу, но не мою память.

На мгновение в его глазах блеснуло что-то похожее на уважение, но оно тут же исчезло, сменившись привычной властной усмешкой.

- Твое упрямство делает эту игру лишь интереснее. Садись.

Путь до храма Тота был коротким, но для меня он растянулся в вечность. Из-за легких занавесок паланкина я видела улицы Фив: шумные, многолюдные, полные жизни. Люди расступались перед нашими носилками, кланялись. Я видела торговцев, ремесленников, жрецов, солдат. Все они были частью его мира, винтиками в его огромной машине. А я была лишь пылинкой, песчинкой, случайно занесенной сюда ветром войны.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.